

12+

Станис Лав
*Вероника и серебряный
дракончик*

Станис Лав

Вероника и серебряный дракончик

«Издательские решения»

Лав С.

Вероника и серебряный дракончик / С. Лав — «Издательские решения»,

Вероника Пуховка всегда утешала других, пока однажды весь волшебный мир не стал серым, безрадостным. Другьям предстоит найти радость в мире и вернуть в него краски.

Содержание

Глава первая. В которой все меняется или не волшебное утро в волшебном мире	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Вероника и серебряный дракончик

Станис Лав

© Станис Лав, 2026

ISBN 978-5-0070-2503-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. В которой все меняется или не волшебное утро в волшебном мире

Вероника Пуховка проснулась ни свет, ни заря. Она всегда просыпалась рано, ещё до того, как первые птицы начинали свои бесконечные споры о том, кому принадлежит самая высокая ветка старого вяза. В будильнике не было нужды, утро всегда начиналось с того, что она просыпалась рано-рано и полежав с открытыми глазами ровно три минуты собиралась с мыслями. Затем бесшумно спускала ноги с кровати, стараясь никого не разбудить.

Но в это утро всё пошло не так.

Сначала Вероника подумала, что за окном все ещё ночь. Сквозь занавески, те самые, что она собственноручно вышила ромашками прошлой весной, старательно выводя каждый лепесток, пробивался свет, но не золотистый и бодрый как обычно, а какой-то мутный, болезненно-бледный, похожий на разбавленное молоко.

Вероника села на кровати, потёрла глаза и выглянула в щель между занавесками.

Сад был серым.

Это было странно, потому что вчера вечером, когда она поливала грядки, всё цвело и переливалось: капуста отливала изумрудом, подсолнухи горели желтизной, а в глубине сада, там где старый плетень зарос диким виноградом, виднелся лоскут неба того самого оттенка, который Вероника про себя называла «персиковый уголок». Она придумала это название давно и с тех пор каждый день начинала с того что смотрела на этот лоскут, с утра бывавший особенно ярким, словно проверяя, не изменился ли мир.

Сегодня персикового уголка не было. Вместо него зияло серое, плоское, ничем не примечательное пятно, похожее на протёртую до дыр заплатку на любимых штанах.

— Не выпалась, — сказала себе Вероника громко, чтобы придать голосу твёрдости, — просто не выпалась. Или съела на ночь что-то не то. Хотя я вчера ничего не ела, кроме тыквенного супа и двух кусочков хлеба с маслом. Масло было свежим из молока Козы-которая-перестала-бодаться.

Она перечислила всё это вслух, потому что привыкла по утрам разговаривать сама с собой. В доме, где живёшь вместе с Хрумом, который никогда не просыпается раньше девяти, и Молли, которая спит до тех пор, пока не учует аромат завтрака, по утрам бывает очень одиноко.

Вероника спустила ноги с кровати, нащупала ступнями тапочки — шерстяные, связанные в виде утят на прошлое Рождество, она тщательно подбирала нитки, чтобы жёлтый цвет был похож на цыплячий пух и хотела было направиться на кухню, но замерла. Тапочки были тёплыми, мягкими и правильно сидели на ногах. Но они... не радовали. Это было трудно объяснить даже самой себе. Она смотрела на вышивку и видела просто нитки, просто узор, просто форму. Никакого внутреннего тепла, никакой улыбки, которую обычно вызывала у неё собственная рукодельная шалость.

— Это всё туман, — решила Вероника, — туман задерживается дольше обычного. Солнце скоро разгонит его и всё встанет на свои места.

Она прошлёпала по длинному коридору, ведущему на кухню, где стены были увешаны кастрюльными крышками вместо картин и толкнула дверь. Печь ещё была тёплая, Хрум, который спал в старой большой корзине, набитой старыми носками, перед сном обязательно подкладывал в печь кучу полешек, потому что тепло он любил больше чем мёд, хотя мёд он тоже любил безмерно.

Вероника поставила на плиту чайник с отбитым носиком, пока вода грелась, она достала из буфета банку с малиновым вареньем. Банка была стеклянная, с надписью «Лучшее» — Вероника всегда подписывала свои варенья, чтобы не путать малиновое с клубничным, хотя отличать их могла даже с закрытыми глазами. Точнее, могла раньше. Она отвинтила крышку, засунула в банку деревянную ложку — длинную, с обгорелым концом, потому что Молли однажды сунула её в костёр, проверяя, загорится ли дерево. Ложка вошла в тёмно-красную густую массу варенья и Вероника поднесла её к носу.

Ничего.

Она понюхала сильнее, ткнув ложкой почти в ноздрю. Обычно малиновое варенье пахло так, чтоб можно было закрыть глаза и представить солнечный полдень в малиннике, где каждая ягода лопается на языке теплотой и сладостью. Сейчас от варенья пахло... вареньем. То есть ничем конкретным. Просто сладким.

— Странно, — сказала Вероника вслух и отложила ложку, — наверное простуда. У меня наверное простуда. Да, точно. Вчера сидела на сквозняке штопая штаны. Надо выпить горячего чаю.

Она отрезала ломоть хлеба, вчерашнего, но всё ещё мягкого, испечённого по её собственному рецепту. Хлеб пах также, как варенье... никак. Вероника откусила кусочек и прожевала. Мякиш был мякишем. Корочка — корочкой. Ни того волшебного хруста, ни глубины вкуса, которая заставляла Хрума закрывать глаза и мычать от удовольствия.

— Чай, — сказала она отчаянно, — чай меня спасёт.

Чайника закипел. Вероника заварила мятный чай, любимый, с добавлением сушёной липовой корки и трёх гвоздичек. Обычно его аромат заполнял кухню, забирался в щели и витал там до самого обеда. Но сегодня это была просто горячая вода. Без цвета, без запаха, без души.

Вероника опустилась на табурет, тот самый, у которого шаталась одна ножка, отчего сидеть на нём можно было только в одном определённом положении, чуть накренившись вправо. Обычно она любила этот табурет за его характер: он скрипел, жаловался, иногда прищемлял юбку, но был как старый друг. Сейчас табурет был просто деревяшкой.

— Что со мной происходит? — спросила Вероника у пустой кухни.

Кухня не ответила. Вероника взяла Книгу Забот — толстый потертый ежедневник в кожаном переплете, который она вела уже не первый год. На обложке красовалась надпись, выведенная её же рукой: «Книга Забот Вероники Пуховки. Содержит записи об утешениях, штопках и прочих важных делах. Посторонним не читать (особенно Молли). Под надписью был пририсован человечек с растрёпанными волосами и языком высунутым в знак неподчинения — это Молли нарисовала в отместку за то, что Вероника спрятала от неё скалку.

Вероника открыла книгу на вчерашней странице. Записи были сделаны её аккуратным, чуть наклонным почерком, зелёными чернилами (синие кончились).

*Вторник, 15 сентября. Утешила Клёпку: потерял пуговицу со своего дождевика. Пуговица была круглая, медная с оттиском. Нашла её в щели у порога. Клёпка сказал: «Спасибо, ты волшебница, я бы без тебя пропал». Я ответила: «Ты бы не пропал, ты бы просто ходил с расстёгнутым карманом». Утешение удалось.

Потом подштопала штаны Хруму. Они у него продрались на коленках, видно часто присаживается наблюдая за насекомыми. Нитку взяла серую, под цвет ткани, шов получился незаметный. Хрум сказал: «Спасибо» и ушёл спать в корзину. Я подумала, что он, возможно хотел сказать что-то ещё, но не сказал. Записывать такие мысли или не записывать? Запишу: «Хрум, возможно, хотел сказать что-то ещё».

Молли нагрубилась с утра: заявила, что овсянка «похожа на клей и в ней плавают размочаленные тряпки». Я на неё обиделась, потому что она всегда говорит гадости, когда у неё плохое настроение. К вечеру она притащила откуда то полпакета печенья, не иначе стащила где-то и сказала: «Это не тебе, это про запас, но можешь взять одно если хочешь».

Хороший день.

Вероника перечитала записи три раза. Слова «волшебница», «печенье», «хороший день» смотрели на неё с бумаги, но не вызывали никакого отклика. Это были не её чувства — это была какая-то чужая жизнь, которую прожил кто-то другой, очень похожий на неё, но не она. Вероника захлопнула книгу, бросив на стол с глухим стуком, подняв маленькое облачко (кто-то вероятно Молли — не вытерла стол после вчерашнего печенья с пудрой).

— Я сейчас испеку булочки, — объявила Вероника громко. Голос звучал тверже, чем она себя чувствовала. — С корицей и глазурью. Самая лучшая глазурь взбить сахарную пудру с лимонным соком и щепоткой соли. Соль подчеркнёт сладость. Это бабушкин рецепт. Бабушка всегда говорила: «Вероника, в любом деле нужна щепотка соли, иначе будет приторно. Бабушка была права».

Она говорила эти слова вслух, потому что они помогали ей не думать о пустоте в груди. Когда рот занят разговором, у пустоты нет шанса пролезть внутрь.

Вероника замесила тесто. На кухне было тихо, только мука шуршала под ладонями, и где-то в углу стучал маятник старых часов — часы были дедушкины, они всегда отставали ровно

на 17 минут, как бы их не поправляли и не подводили, Вероника привыкла к этому и всегда делала поправку. Ей казалось, что время, которое отстаёт, более уютное, оно не торопится и не пугает спешкой.

Она раскатала тесто в прямоугольник, посыпала корицей и сахаром, обильно, не жалея, потому что сегодня она хотела быть особенно щедрой, может быть даже чересчур. Корица пахла? Она зажмурилась и втянула носом воздух. Нет. Корица совсем не пахла. А раньше она скрывала в себе уют, рождество, бабушкины руки... Сейчас это был просто запах, безликий и ничего не напоминающий. Вероника свернула тесто в тугие улитки, и уложила их на противень, отправив в печь. Затем села на шаткий табурет и принялась ждать. Тикали часы. Где-то на чердаке возились мыши, обычные, неговорящие, которые просто грызли коробки с сушёными яблоками и таскали с кухни крошки. Вероника их не трогала, потому что считала, что у каждого существа должно быть место в жизни, даже если это место находится у неё за спиной.

Вероника открыла заслонку и вытасила противень. Булочки выглядели идеально: золотистые, пухлые, с подтекающей глазурью, которая застывала на боках прозрачными потёками.

— Красота, — сказала Вероника с вызовом. — Никто не сделает лучше.

Она взяла самую маленькую булочку, отломил кусочек и положила в рот. Тесто было как тесто. Корица не вызывала воспоминаний. Глазурь была просто сладкой. Вероника прожевала, проглотила и подождала, что будет дальше. Ничего не произошло. Её язык, её небо, её память — всё молчало. Это была булочка. Обычная булочка. Одна из тысячи. Никакого волшебства в ней не было, и Вероника вдруг поняла, что никакого волшебства не было и в тех, прежних, — просто она сама раньше его добавляла, а сегодня забыла рецепт.

Она отложила булочку на блюде, села обратно на табурет и уставилась в окно. Серый сад. Серый персиковый уголок. Серое небо. Серые мысли. Пустота в груди разрослась до размеров ореха, затем яблока, потом до тыквы. Вероника почувствовала, что если сейчас кто-нибудь войдёт и спросит её: «Ты как?», она не сможет ответить. Потому что слова «хорошо», «прекрасно», «нормально», «терпимо» выцвели и потеряли смысл, как и всё остальное.

Так её и застал Хрум, когда сонно скатился с чердачной лестницы. Он спал наверху последние три дня, потому что на первом этаже спать было слишком безветренно и жарко, даже для такого любителя тепла как он. Хрум был растрёпан, волосы торчали во все стороны, но любимый свитер был уже на нём. Он протёр глаза, зевнул так, что у него щёлкнула челюсть и посмотрел на стол.

— Булочки! Ты испекла булочки. Вероника, ты гений.

— Попробуй, коротко ответила Вероника, не оборачиваясь.

Хрум подошел к столу, взял булочку, откусил половину одним укусом. Жевал долго и тщательно.

— Она безвкусная, — сказал он наконец. — Ничего не чувствуется, вообще ничего.

— Знаю, — ответила Вероника.

Хрум положил вторую половину булочки на стол и подошёл к ней. Встал рядом, прильнув боком к её плечу, он всегда так делал, когда хотел кого-то утешить.

— Может Молли подсыпала в муку что-то? — предположил Хрум.

— Она вчера приходила за сахаром и полчаса возилась в кладовке, я слышал звон банок.

— Молли здесь не при чём, — сказала Вероника, — и никто не при чём. Просто... просто у меня пропал рецепт.

— Какой рецепт? Для булочек? Ты же его наизусть помнишь!

— Не для булочек, Хрум. Рецепт того как чувствовать вкус, — Вероника повернулась к нему и Хрум увидел, что её глаза сухие, но пустые, будто две серые пуговицы. — Я встала сегодня утром, а всё вокруг... перестало быть собой. Тапочки — не тапочки, а просто тряпки на ногах. Варенье — не варенье, а безвкусная масса. Я вижу всё, но ничего не чувствую.

Хрум хотел что-то сказать, но вместо этого открыл и закрыл рот несколько раз, как рыба, выброшенная на берег. Потом вздохнул, натянул свитер на оба уха — от волнения — и сказал:

— А может, тебе просто надо отдохнуть? Съездить куда-нибудь? Рондол говорит, на юге хорошо, там бананы растут. Я слышал от бананов даже самый грустный становится чуть веселее.

— Дело не в бананах, — ответила Вероника, — Дело во мне. Что-то во мне сломалось. Или кончилось. Как песок в часах, когда его пересыпают из одной половинки в другую слишком много раз.

Хрум почесал нос и уже открыл рот, чтобы предложить компот из ревеня (он слышал, что ревень помогает от всех болезней, хотя сам ни разу его не пробовал), когда в дверь постучали.

Не то чтобы в дверь — в дверь в Уютной Роще никто не стучал. Все входили без спроса, потому что дверь никогда не запиралась на ключ (ключ висел на гвоздике с наружной стороны для порядка, ни им никто не пользовался) А тут сначала замялись, потом несмело царапнули коготком по дереву, потом раздалось тонкое, протяжное «м-м-м-м». Звук был похож на гудение одинокой пчелы или на жалобу скрипки, у которой рвётся последняя струна.

— Что это? — спросил Хрум.

— Не знаю, — ответила Вероника, хотя внутри неё что-то — та самая пустота — настояжилась и прислушалась, — но надо открыть.

Она подошла к двери, потрогала железный засов (который тоже висел для порядка, потому что никто и никогда его не задвигал) и распахнула её.

На пороге, на половичке, лежал кто-то очень маленький. Сначала Вероника и не заметила ничего, будто какой-то лист прилип к половику. Потом подумала, что это кусочек серебряной бумаги от конфеты — такие конфеты приносил с юга Рондол, они были в блестящих обёртках, и Молли потом собирала обёртки и клеила из них ёлочные игрушки.

Но бумага не дышит, а это существо дышало: его бока чуть заметно вздымались и вместе с каждым вдохом оно слабо светилось холодным, белым светом.

— Это дракон, — неуверенно сказал Хрум, он подошёл сзади и теперь заглядывал Веронике через плечо. — Только драконы не бывают серебряными и размером с грецкий орех. И они обычно не лежат на пороге, а летают где-нибудь в горах.

— И не издают такого звука, — добавил откуда-то сбоку писклявый голос. Вероника вздрогнула: из — за угла кухни появилась Молли, с ложкой мёда во рту. — У него нота «ми-бемоль» застряла в горле. Слышите? Вечно ми-бемоль. Самая жалобная нота. Никто на ней весёлых песен не исполняет.

Молли была права. Существо продолжало издавать своё тягучее «м-м-м-м», и эта нота разливалась по кухне, просачивалась в щели между половицами, заставляя стекла в окнах слегка вибрировать и даже старый чайник на плите отзывался коротким звоном.

Вероника медленно опустилась на корточки. Существо лежало свернувшись почти в идеальный круг, его полупрозрачные крылья были похожи на лепестки, не бились, а медленно колебались, как водоросли, в безветренной заводии на дне самого спокойного пруда.

— Он холодный, — сказала Вероника протянув руку. Она не касалась, но холод уже лизал её кожу — не обжигающий, а как-будто узнаваемый, знакомый. Будто этот холод жил внутри неё всё утро, а теперь выполз наружу, чтобы встретиться со своим собратом.

— Не трогай его, — предупредила Молли. — Вдруг он кусается? Драконы вообще то кусаются. Хотя по звуку он скорее заплачет, чем укусит..

Но Вероника уже протянула ладонь, раскрыла её и Серебряный Дракончик — если конечно это был дракон медленно, с большим трудом (хотя крылья у него были, летать он явно не мог) подполз к её ладони и свернулся там клубком, плотно прижавшись к тёплой коже. Его холод проник сквозь кожу и пошёл вверх по запястью, по предплечью, добрался до локтя и остановился где-то в районе плеча. Не больно, но слегка страшно. Пространство внутри Веро-

ники, которое было пустым с самого утра, вдруг перестало быть пустым — оно наполнилось этим узнаваемым холодом.

— Ты тоже потерял вкус? — тихо спросила Вероника, глядя в крошечные глаза. Дракончик издал звук погромче, как будто подтверждая. Хрум медленно поднес к нему булочку с глазурью. Но дракончик даже не шевельнулся. Молли протянула каплю мёда на кончике пальца существо проигнорировало. Клёпка, который неизвестно когда и как появился в дверях сунул Дракончику изюмину и своего кармана, но изюм также остался не тронутый.

— Он не ест, — констатировала Молли, — не пьёт. Только гудит и светится. Пользы от него — ноль.

— Зато он как будто понимает, — сказала Вероника. Она поднесла Дракончика к лицу. Крошечные серебряные глазки посмотрели на неё без всякого выражения — в них не было ни просьбы, ни страха, ни надежды. Только ровный, спокойный свет, как у фонаря, который знает, что рано или поздно его зажгут. Вероника почувствовала странное родство, будто они с Дракончиком были одной природы сейчас. Оба потеряли что-то важное. Оба превратились в тихий, холодный комок посреди серого мира.

— Я знаю что делать, — вдруг произнесла она. Голос её прозвучал твёрдо, почти весело, но эту весёлость можно было принять скорее за лихорадку. — Мне нужно на Поляну Печальных Фонарей. Там, в старом шкафу, который стоит на краю поляны, ещё остались кое-какие вещи. Ленты, пуговицы, осколки зеркал... Я построю для него место.

— Какое место? — спросил Хрум, уже понимая, что ответ ему не понравится.

— Хранилище, — ответила Вероника, вставая и засовывая Дракончика в карман — Хранилище Остывших Следов. Там будут храниться чувства, которые покинули нас. Как высушенные цветы в гербарии. Как письма которые некому отправить. Как и имена, которые все позабыли.

— Это звучит как начало очень плохой поэмы, — заметила Молли, — или как конец хорошей.

Но Вероника уже не слушала. Она накинула на плечи серую шаль, ту самую что связала из шерсти Козы-что-перестала-бодаться, сунула ноги в ботинки на толстой подошве (потому что дорога до Поляны была долгой и каменистой) и направилась к двери. На пороге она обернулась, посмотрела на Хрума, на Молли, на Клёпку, который уже жевал булочку, и сказала:

— Не ходите за мной и не ищите, я вернусь, когда пойму, где найти потерянные чувства.

И прежде чем кто-либо успел её остановить, предложить взять с собой тёплые носки или бутерброд, Вероника шагнула в серый сад села на велосипед и скрылась в тумане.

Туман был густым и тягучим, как кисель. Он облеплял ветки, стелился по земле, забирался в рукава и за шиворот. Вероника ехала по аллее, но колеса велосипеда не звучали: туман съедал звуки.

Хрум, Молли и Клёпка остались стоять на пороге, глядя ей вслед.

— Она забыла взять булочки или печенье, — сказал наконец Хрум. Слова дались ему с трудом, к горлу подкатывал ком, как будто он проглотил целую булочку и она застряла поперёк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.